

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЗДЕЛЕНИЯ ПРИ НИКОНЕ И СОСТОЯНИЯ ПОСЛЕ ТОГО ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ.

1. Крайне горестное происшествие совершилось в Церкви в период 1653-1666 годов: в это время произошел великий раскол в Церкви православной. Она разделилась на две противоположные и враждебные друг другу части. До этого времени весь русский народ содержал одну и ту же веру православную, одни и те же предания церковные, одни и те же чины, уставы, книги и обычаи христианские, и таким образом пребывал во единой святой соборной и апостольской Церкви Христовой.

Но отчего же произошел в ней раскол или разделение, о котором мы выше упомянули и о котором намерены говорить? Раскол этот произошел оттого, что в вышеупомянутое время ничтожная по количеству, но великая по сану и авторитету часть русских людей вообразила, что наша русская православная Церковь не вполне православна, что ее во многом требуется исправить, что без этих исправлений нельзя в ней получить спасения души. Начальником и главою этой партии был Никон московский патриарх.

Другая часть или, точнее, вся почти тогдашняя православная русская Церковь считала себя вполне православною и веру свою совершенно правильною, не нуждающеюся ни в каких исправлениях и нововведениях, с которыми спастись нельзя, а можно лишь погибнуть.

2. Воображая, что православная русская Церковь не чисто православна, Никон в 1653 году издал приказание под названием «Память» по всем московским церквам, в котором требовал, чтобы в церквах не клали земных поклонов и изображали на себе крестное знамение не двоеперстием, а триперстием (История русск. Церк. Мак. Т. 12, стр. 118). Эти два новых догмата, которыми Никон надеялся исправить русскую Церковь и сделать ее вполне православною и более спасительною, произвели некоторое смущение в православной Церкви. «Память эта прислана была и в Казанский собор протопопу Ивану Неронову, — читаем в истории русской Церкви Макария, — Неронов тотчас пригласил к себе протопопа Аввакума, который проживал у него, и других своих близких. «Мы же, — рассказывает Аввакум, — задумались, сошедшееся между собою; видим, яко зима хочет быти: сердце озябло и ноги задрожали. Неронов мне приказал идти в церковь (т. е. Казанский собор), а сам един скрылся в Чудов (монастырь), седмицу в палатке молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: «время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати». Он же мне, плачучи, сказал (об этом), таже коломенскому епископу Павлу..., потом Даниилу костромскому протопопу; таже сказал и всей братии. Мы же с Даниилом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю: много писано было. Он же не веде где скрыл их, — мнится Никону отдал». Вот кто явились противниками Никона и как они начали борьбу с ним!» (История русск. Церк. Мак. Т. 12, стр. 119).

Кто же именно первый восстал против Никоновых новых догматов, против стремления Никона исказить православные предания Церкви? Не толпа мужиков, как кричат теперь миссионеры, а епископ Павел Коломенский, протопопы: Иоанн Неронов, Аввакум, Даниил и многие из простых христиан. Против чего же они восстали? Восстали они не лично против Никона, а именно только против его новшеств, искажавших православную Церковь: «написали из книг выписки о сложении перст и о поклонех», вовсе не касаясь личности Никона, а единственно его учения. Они не вводили

ничего нового в вере, а лишь старались отстоять старое и погасить в самом зародыше раскол церковный, возбужденный новшествами Никона. Каким же порядком они это начали? – Самым правильным и законным: написали возражение против никоновских нововведений «и подали государю», конечно, с просьбой разобрать это дело законным порядком – соборно.

Подавать царю прошения против еретичествующих патриархов было в обычае и в древней Церкви. Так, когда константинопольский патриарх Несторий начал вводить еретические новшества, тамошние клирики подали жалобу своему царю, прося его о созвании собора для рассмотрения дела (Деян. Вс. Соб. Т. 1, стр. 466-474). Значит поступок вышеупомянутых лиц, восставших против еретических новшеств Никона, оправдывается самой практикой древней православной Церкви.

3. Из вышеприведенных свидетельств истории о первоначальном разделении православной Церкви при Никоне видно во-первых то, что начало этому расколу положил никто другой, а именно Никон своими еретическими новшествами. Во-вторых видно, что не пожелавшие принять этих его новшеств и открыто восставшие против них имели у себя православного епископа Павла Коломенского и нескольких протопопов, которые собственно первые указали и обличили никоновские заблуждения, подав об этом письменное заявление самому государю, который хотя и не принял никаких решительных мер против возникавшего зла, но конечно сообщил Никону о жалобе на его нововводства со стороны ревнителей благочестия: епископа Павла Коломенского и протопопов Аввакума, Иоанна Неронова и проч.

Что же Никон? Признал ли себя виновным, и наказал ли своих обвинителей как клеветников, если себя признал невиновным? Нет. Он не сделал ни того, ни другого. Хотя Никон, по свидетельству истории, «еще более раздражался против бывших своих друзей» — епископа Павла, протопопа Аввакума и проч., — за то, что они подали на него жалобу царю. И хотя «борьба в самом уже начале своем приняла с обеих сторон самый резкий характер, но достойно замечания, что Никон в этот раз как бы не обратил внимания на поступок своих врагов, не потребовал их на суд за оказанное сопротивление архипастырскому распоряжению и вовсе их не преследовал» (Ист. русск. Церк. Мак. Т. 12, стр. 121).

Если бы Никон признавал своих противников виновными в клевете, он, как архипастырь и человек суровый и беспощадный, непременно бы их наказал, как требуют правила свято-церковные. Если же он признавал их виновными, но не наказал их, то этим он прямо сделался законопреступником, нарушая правила, требующие наказывать священников, незаконно отделяющихся от своего патриарха (13-е, 14-е и 15-е прав. Первовт. Соб.). Но очевидно и сам Никон сознавал, что восставшие против его новшеств были совершенно правы. Ибо до этого времени и сам он, патриарх Никон, молился двоеперстно и клал земные поклоны по уставу (Ист. русск. раск. Мак., стр. 150). Да и вся русская православная Церковь от самого своего начала всегда содержала эти христианские обычаи. И потому его приказание о том, чтобы русская православная Церковь отвергла эти христианские обычаи и приняла на место их предлагаемые им новшества, очевидно, никем не было принято, так что на стороне Никона в начале раскола русской Церкви был только он сам один.

4. Никон хотя и не наказал епископа Павла и протоиереев Иоанна Неронова и проч. за их справедливый протест против его неправильных догматов, но все-таки сохранил на них злобу за это и выжидал только случая отомстить им. Нужно заметить, что распоряжение или «Память», сделанное Никоном лично от себя пред наступлением Великого поста 1653 года и направленное против земных поклонов и двоеперстного сложения, было для него, по выражению м. Макария, «как бы пробным камнем, чтобы узнать как отзовутся [православные христиане – И. У.][2] на задуманное им исправление церковных обрядов и богослужебных книг. И он понял и убедился из сопротивления, оказанного Нероновым и его братиею, что действовать тут одною своею

патриаршею властью недостаточно, а необходимо ему, патриарху, иметь для себя опору в более сильной церковной власти соборной» (Ист. русск. Церк. Мак. Т. 12, стр. 138-139). Но чтобы на соборе не встретить никакого сопротивления задуманному им делу исправления или, сказать точнее, искажения и извращения церковных книг и преданий, Никон решился прежде собора погубить или, по крайней мере, отстранить своих противников, услатить их из Москвы. Предлог к этому нетрудно было найти. В июле того же года Никон созвал в своей крестовой собор, на котором, между прочим, было представлено донесение на Муромского протоиерея Логгина. Хотя обвинение было совершенно неосновательное, и Логгин представил с своей стороны оправдание против взведенных на него обвинений, но Никон без всякого рассмотрения дела «осудил [протоиерея] Логгина на мучение злему приставу» (Ист. русск. Церк. Т. 12, стр. 125-126).

Возмутившись этим, протоиерей Иоанн Неронов, бывший тут на соборе, сказал Никону: «За что отдавать Логгина жестокому приставу? Нужно прежде произвести розыск [дознание, расследование]... Тут дело великое, Божие и царевое, и самому царю по истине следует быть на сем соборе». На это Никон в присутствии всего собора сказал: «Мне де и царская помощь не годна и ненадобна, да тако де на нее и плюю и сморкаю» (Там же, стр. 126 и 307). Неронов и другой протоиерей ярославский Ермилов довели об этом до сведения государя. Но, «разумеется, никто из присутствовавших на соборе не осмелился подтвердить этого, боясь Никона, и Никон старался уверить государя, что это клевета Неронова» (Там же, стр. 307).

И вот его за эту мнимую клевету Никон на соборе определил сослать в монастырь на смирение, то есть на мучение. Там он сидел несколько времени в тюрьме, а потом на Царево-Борисовском дворе били немилостиво. Затем Никон снял с него скуфью и посадил на цепь в Симоновом монастыре (Матер. для истор. раск. Т. 1, стр. 50-51; Ист. русск. Церк. Мак. Т. 12, стр. 131).

Движимые христианской любовью и состраданием, протоиереи Аввакум и Даниил подали государю челобитную или просьбу за Неронова. Но Никон, узнав об этом, запретил протоиерею Аввакуму не только священнодействовать, но и просто читать учительное Евангелие в Успенском соборе, где он до того священнодействовал вместо Неронова. Аввакум после этого стал молиться в сушиле на дворе Неронова, в доме которого имел свое пребывание. Узнав об этом, Никон заковал его в цепи и сослал в Андроньев монастырь. Затем других своих противников, протоиереев Даниила и Логгина, публично изверг из сана и первого сослал в Астрахань, а последнего, продержав некоторое время в цепях, послал в Муром под начало (Ист. русск. Церк. Мак. Т. 12, стр. 131-132). А протоиерея Аввакума, по просьбе царя, Никон не лишил сана, а только сослал в Сибирь в гор. Тобольск, где ему местный архиепископ дол священническое место (Там же, стр. 134).

Протоиерей Иоанн Неронов из заточения прислал две челобитных царю, в одной из которых ходатайствовал за невинно сосланных протоиереев, а в другой, между прочим, указывал на противозаконные нововведения Никона, выраженные в его известной «Памяти», и защищал древние предания Церкви (Ист. русск. Церк. Мак. Т. 12, стр. 135-138). Царь оставил челобитные без последствия.

5. Покончив таким образом с главными противниками его догматов, удалив их из Москвы в ссылку, Никон счел благовременным созвать собор, чтобы легче ввести задуманные им церковные реформы, исправить книги и ввести свои новые догматы: щепоть и проч., без которых будто бы и спасения получить нельзя, и от которых Церковь станет якобы православнее.

И действительно, в апреле 1654 года он созвал собор из всех русских епископов. А их всех и было только десять, одиннадцатый — Никон. «Никон, председательствовавший на соборе, произнес речь, в которой сказал, что нет ничего богоугоднее и благотворнее для Церкви и государства, как

хранить заповеди Божии, правила святых апостол, святых Соборов вселенских и поместных и святых отец, и что потому необходимо в делах церковных потреблять всякие новины, всегда бывающие причиною смятений и разделения в Церкви; напротив соблюдать без всяких приложений и отъятий все то, что постановили древние Соборы» (Ист. русск. раск. Изд. 2-е, стр. 159). Выразив эту непререкаемую истину, с которой должно согласиться, но которую он сам нарушал и попираал, Никон указал, что будто в наших древнерусских книгах есть много погрешностей и новшеств, требующих якобы немедленного исправления, и предложил собору, что следует исправить книги «с древних греческих и славянских книг». Собор на это сказал: «Достойно и праведно исправить противу старых харатейных и греческих».

6. Намерение и постановление благое — исправить книги с древних греческих и харатейных книг. Но это постановление Никон преступил, пограл и обманул собор самым наглым и бессовестным образом. Он впоследствии исправлял книги не по древним греческим книгам, а по новым, печатанным у еретиков латин, каковые книги он впоследствии и сам признавал еретическими, недостойными вероятия. Но как ни искусно действовал Никон на соборе 1654 года, как ни хитрил, однако некоторые члены собора не подписали его определений, именно: новгородский митрополит Макарий и коломенский епископ Павел, два архимандрита, один игумен и два протоиерея (Ист. русск. раск., стр. 160).

Хотя на этом соборе не согласились с Никоном только два епископа, но если принять во внимание, что всех епископов на соборе было только одиннадцать, то оказывается, что эти составляли почти пятую часть всего числа епископов, бывших на соборе.

7. Кипя ненавистью и местью к противникам его новшеств, Никон в том же году написал константинопольскому патриарху Паисию, между прочим, клевету на них, что будто бы епископ Павел и протоиерей Иоанн Неронов имеют свои особые книги, особое крестное знамение и литургию, что они будто бы стараются «внести в Церковь новины своя, как бы исправления» (Скрижаль, стр. 711; Ист. русск. Церк. Т. 12, стр. 183). Конечно это была самая низкая и возмутительная клевета, так как упомянутые лица имели и употребляли те книги, литургию и крестное знамение, какие употребляла тогда вся русская православная Церковь и не только не старались внести новины в Церковь, но и предостерегали от этого Никона, действительно стремившегося «внести в Церковь новины своя, как бы исправления». Но патриарх цареградский не имел возможности проверить это обвинение Никона и постановил, что «сия суть знамения ереси и раздора, и который сицевая глаголет и верует, есть чужд православныя нашей веры... Да отвержите и разлучите их извержением от овец Христовых, да не питают я смертною пажитию» (Там же). Пользуясь этим судом, Никон епископа Павла Коломенского лишил сана, сорвал с него мантию, прибил его до полусмерти и сослал в ссылку, где он и претерпел мученическую кончину (Там же). Протоиерея Ивана Неронова он тоже изверг из сана (Ист. русск. Церк. Мак. Т. 12).

8. Таким образом с самого начала русская Церковь разделилась на две части. Одна часть, признавая православную Церковь вполне совершенною и спасительною, старалась всеми силами удерживать православные предания Церкви без всякого изменения и нарушения. А другая — наоборот, считая русскую православную Церковь неправославною, стремилась во что бы то ни стало исправить ее, внести хоть что-нибудь новое на место древнего, бывшего прежде. Одни считали нововведения в вере погибелью для Церкви и христиан, другие, напротив, признавали только в новшествах все спасение своей души и Церкви. Одни утверждали, например, что с отвержением двоеперстного сложения человек подпадает под проклятие Церкви (Стоглав, гл. 31) и потому погибнет, а другие уверяли, что вся сила спасения души и Церкви заключается в щепоти, которой они стали изображать на себе крест по примеру хохлов, которые тогда ею и крестились и табак нюхали. Одни всё, что до Никона содержала русская православная Церковь, почитали неизменным и непреложным, всякое

новшество в деле веры признавали ересью, а другие — напротив, всё, что содержала древняя Церковь, признавали «невежеством», а свои новшества выдавали за самые высочайшие догматы веры. Старообрядцы готовы были за свои убеждения все терпеть, страдать и умереть, как и на самом деле было, а новообрядцы готовы были за свои новшества мучить, жечь, убивать и губить.

Так началось разделение в русской Церкви при Никоне, так продолжается оно и до сих пор: каждая сторона идет свою дорогою.

9. Но будем продолжать начатое. После низложения епископа Павла и протоиерея Иоанна Неронова, Никон в неделю Православия 1655 года поколол многие иконы, написанные не по его вкусу, бросая их об пол, и проповедывал о своем великом догмате, о щепоти, увещевая народ принять ее. Но русский православный народ, возмущаясь его безобразными поступками, не слушал его увещаний (Ист. русск. Церк. Т. 12, стр. 171-172).

10. Тогда Никон на пятой неделе Великого поста созвал собор, на котором опять старался утверждать между прочим свою любимую щепоть, но, как видно, безуспешно (Там же, стр. 173). По некоторым сведениям, Никон на этом соборе бил епископа Павла и сослал его в ссылку, а некоторые утверждают, что раньше. Не смотря на все хитрости Никона и его союзников, православный народ не принимал отвратительной для него щепоти, предлагаемой им.

11. А Никон, видя такое равнодушие народа к его горячей проповеди, и считая, что без щепоти христиане погибнут и Церковь пропадет, решился на чрезвычайные меры. Он подговорил бывших в то время в Москве некоторых восточных иерархов проклясть всех, кто не крестится тремя перстами, то есть щепотью, а употребляют для крестного знамения двоеперстное сложение. И вот «настала неделя Православия [24 февраля 1656 г.], — читаем в «Истории русской Церкви» м. Макария. — Собрались в Успенский собор на торжество все находившиеся в Москве архиереи с знатнейшим духовенством, царь со всем своим синклитом и бесчисленное множество народа. В то время, когда начался обряд Православия, и Церковь, ублажая своих верных чад, изрекала проклятие сопротивным, два патриарха — антиохийский Макарий и сербский Гавриил, и митрополит никейский Григорий стали пред царем и его синклитом, пред всем освященным собором и народом, и Макарий, сложив тории первые великие перста во образ Святыя Троицы и показывая их, воскликнул: «Сими тремя первыми великими персты всякому православному христианину подобает изображати на лице своем крестное изображение. А иже кто по Феодоритову писанию и ложному преданию творит, той проклят есть». То же проклятие повторили вслед за Макарием сербский патриарх Гавриил и никейский митрополит Григорий. Вот кем и когда изречена первая анафема на упорных последователей двуперстия. Она изречена не Никоном, не русскими архиереями, а тремя иерархами представителями Востока» (Т. 12, стр. 189-190).

Да, вот кто и вот когда внес перстосложение и именно щепоть в число великих догматов веры — не русские, а греческие иерархи. Они первые прокляли православных христиан не молящихся щепотью и таким образом «воздвигли прю», произвели смятение и сделали раскол в русской православной Церкви, еще дальше отдалив себя и своих сообщников и последователей. «И можно представить, — восклицает историк, — как должна была подействовать эта анафема на православных, произнесенная в самое Торжество Православия (Там же, стр. 190). Эта клятва, конечно, напоминает православным христианам еще другую, только противоположную ей клятву, произнесенную святыми отцами за сто лет до того времени на Стоглавом соборе: «Иже кто не знаменуется двема персты, якоже и Христос, да есть проклят» (Стоглав, гл. 31).

12. Православные христиане тогда вспомнили сию клятву, и у них сам собою явился вопрос: кому же должно следовать — прежним ли святым отцам или теперешним выходцам из чужих земель, от

которых не все еще знали, православны ли они или нет? А их клятва на православных христиан молящихся двоеперстно, решительно противоположная клятве святых отец, прямо показывала, что они еретики. Христиане тогда могли вспомнить еще и слова преподобного Иосифа Волоколамского, что проклинаящие христиан «себе проклинают и связывают, и клятва их на них возвратится» (Просветитель, гл. 12). Сообразив все это, православные христиане должны были прийти к тому заключению, что эти пастыри, с Никоном во главе, изрыгающие громы анафем, не суть пастыри, а волки, от которых надлежит бегать и удаляться как от еретиков, и держаться принятых издревле преданий Церкви.

13. Никон с немногими своими сторонниками стали молиться щепотью, а большинство христиан молились по-прежнему двоеперстным сложением. От этого произошло волнение в народе, многие стали «воздвигать прю», спорить о том, как следует правильней креститься, щепотью или двоеперстным сложением? Чтобы прекратить это смятение в Церкви, Никону следовало бы отказаться от своих новшеств. Но он двигался вперед по прежнему пути и сделал еще один губительный шаг. Через несколько времени после вышеуказанного происшествия в неделю православия Никон потребовал, чтобы те же самые восточные иерархи дали письменный ответ, как должно креститься: триперстием ли, или двоеперстием? И вот какое они на это изрекли решение: «Предание прияхом сначала веры от святых Апостол, и святых отец, и святых седми Соборов, творити знамение честнаго креста с тремя первыми персты десныя руки, и кто от христиан православных не творит крест тако, по преданию восточныя Церкви, еже держа с начала веры даже до днесь, есть еретик и подражатель арменов. И сего ради имама его отлучена от Отца и Сына и Святаго Духа и проклята. Извещение истины подписах своею рукою: Макарий милостию Божиею, патриарх великаго Божия града Антиохии и всего Востока».

Вслед за Антиохийским патриархом то же самое проклятие повторил и подписал своею рукою сербский патриарх Гавриил, а за ним повторили каждый особо и подписали митрополиты никейский Григорий и молдавский Геденон» (Скриж., на нечислен. лист.; Современ. церк. вопр. Стр. 388; Ист. русск. Церк. Мак., Т. 12, стр. 191).

14. Такими действиями и поступками эти четыре иерарха вслед за Никоном окончательно отделились от Церкви. Но русские иерархи, хотя в 1654 году и были вовлечены обманом на сторону Никона, но еще не изрекали от себя анафем на православных христиан, и потому их старообрядцы могли считать своими архипастырями. Кроме того, все восточные иерархи, за исключением вышеупомянутых четырех, никаких проклятий и анафем не произносили на православных христиан. Их тоже старообрядцы могли считать своими, ожидая на чью сторону они станут. Но вот когда вышеупомянутые восточные иерархи, находившиеся в Москве, изрекли свой приговор на крестящихся двумя перстами не только устно в неделю Православия, но и письменно, Никон счел благовременным созвать на собор своих русских архиереев, чтобы и они постановили решение по тому же вопросу.

15. Собор состоялся 23 апреля 1656 года и закончился 2-го июня того же года (Ист. русск. Церк. Мак., Т. 12, стр. 191-194). На этом соборе присутствовали все тогдашние русские епископы, числом девять, и несколько архимандритов и игуменов (Скриж., стр. 18, 20; Ист. русск. Церк. Мак., Т. 12, стр. 192). Они подписали приготовленное заранее Никоном его «Отвещательное слово», в котором он излагал перед собором как он исправлял книги и как проклинали его пособники двоеперстное сложение для крестного знамения, какие в нем заключаются якобы ереси, и как он все эти проклятия на двоеперстие изложил в Скрижали. И собор все это утвердил своими подписями под «Отвещательным словом» Никона, прибавив и от себя проклятие на учение блаженного Феодорита о двоеперстном сложении для крестного знамения (Скрижаль, стр. 1-12). Таким образом и все русские иерархи отпали от Церкви православной. Но русские православные люди имели в виду еще

многих восточных иерархов не проклинавших православных христиан и, значит, еще не отступивших совершенно от Церкви.

16. Вскоре после упомянутого собора, именно в 1658 году 10-го июля, Никон отрекся от своего патриаршего сана и удалился из Москвы, «никим же гоним, токмо Божиим изволением», по предсказанию протоиерея Иоанна Неронова.

Не будем говорить о том, как Никон пребывал после этого в своем Воскресенском монастыре, как он ругал русского царя, как он проклинал русских архиереев, называя их иудейским и даже бесовским сонмищем, не будем говорить и о других позорных действиях Никона, — это завело бы нас слишком далеко. Скажем только, что по удалении Никона даже те, которые приняли было его новшества, стали снова на сторону древности, так что на стороне старообрядцев, по выражению собора 1667 года, был «едва не весь народ» (Деян. его, гл. 2, пр. 41).

Даже один из епископов, Александр Вятский, согласившийся с собором 1656 года, подтвердившем никоновские догматы, по удалении Никона открыто стал на сторону последователей древности. Таким образом, хотя главные «столпы древняго благочестия» и были изгнаны из Москвы в ссылку, но их святое дело «крепкого стояния за старую веру» ничуть не погасло и не заглохло, а еще более процвело и усилилось.

17. Видя это, сильные сторонники никоновских новшеств и догматов и главные виновники происшедшего раскола, из которых первое место занимали оо. иезуиты, устроили через посредство царя созвание собора, который и состоялся в 1667 году в Москве. На этом соборе было десять епископов и продолжался он с 29 апреля по 12 декабря того же года. На нем судили и осудили всех противников никоновских догматов, для чего вызвали даже из заточения тех, кои были сосланы. Судили протопопа Аввакума, священника Никиту Добрынина, диакона Феодора, священника Лазаря. Всех их осудили в ссылку в Пустозерский острог, что на берегу Ледовитого моря. А священнику Лазарю и диакону Феодору, кроме того, отрезали языки.

Имея в виду такое мучительство, многие из призванных на собор согласились с требованием его и приняли его новшества, хотя, разумеется, страха ради, а не искренно. Ибо впоследствии опять обратились к истинно-православной вере, и некоторые за сие даже получили мученическую кончину, как например священник Никита Добрынин, которого новообрядцы кощунственно называют «Пустосвятом».

После сего, именно 29 октября, прибыли в Москву восточные патриархи Макарий Антиохийский и Паисий Александрийский, и несколько других восточных иерархов. Они совместно с русскими епископами осудили Никона, извергли и лишили его всякого священного сана за его многообразные беззакония (Ист. русск. Церк. Мак. Т. 12, стр. 740). Суд над Никоном закончился 12 декабря. Этим кончился и собор 1666 года.

Собор сей, незадолго лишив санов священства истинных ревнителей древнего благочестия за их твердость в вере православной, подтвердив никоновские догматы: щепоть, именованное перстосложение и проч., и постановил прилагать послушникам его повелений и «телесные озлобления», — этим самым отделил себя и своих последователей от древней святой Христовой Церкви, от ее веры и учения.

А старообрядцы и почти весь русский народ, как содержали православную веру издревле во всем неизменно, так и остались в ней, не принимая никаких нововведений. Таким образом, в 1666 году образовалось две церкви: одна, которая осталась при старой вере, при старых преданиях и обрядах,

стала называться староверческой, или старообрядческой; а другая, принявшая никоновские новшества, как догматы веры, стала называться никонианской, или новообрядческой. Вот когда и вот каким порядком окончательно произошел раскол в русской Церкви.

18. По прошествии двух месяцев после фактического закрытия собора 1666 года, именно 10 февраля 1667 года новообрядческие представители избрали нового патриарха Иоасафа на место низложенного Никона, и затем занялись устройством внутренних дел своей церкви. Ибо они ясно увидели, что их нововведения не принимаются русским православным народом, а все держатся древних православных преданий церковных, не обращая внимания на то, что утверждены новые никоновские догматы. И вот они решились еще раз подействовать на народ клятвами и анафемами. Для этого они в соборном заседании своем 13-го мая 1667 года, сделали постановление, в котором перечислили все главные никоновские догматы числом семь, и заповедали всем православным христианам принять и содержать их неизменно вместо древних церковных преданий, а если кто сего не исполнит, на того изрекалась такая страшная клятва, какой не подвергались самые злейшие еретики.

19. Русский православный народ, конечно, этим возмутился, почти весь отделился от проклинателей и стал на сторону держателей древних преданий церковных. Тогда новообрядцы, видя, что их проклятия не действуют, прибегли к насилию и мучительству. Держа в одной руке меч, а в другой проклятия и анафемы, истинные последователи Никона начали обращать русских православных людей в свою веру. Так патриарх Иоаким, говоря о действиях царя и соборов 1666 и 1667 годов, пишет: «Темже низложи оных проклятых еретиков (то есть отказавшихся принять щепоть и другие никоновские догматы), и непокаявшихся во оземствовании [в ссылке] посла, и в темницы заточи, а иных хульников огню предати» (Увет, л. 46). Вот какими доказательствами распространялась новообрядческая вера и церковь. В этом вся его сила. Не было пощады никому: ни князьям, ни боярам, ни мужескому полу, ни женскому, ни отдельным лицам, ни целым общинам и монастырям. Всех мучили, пытали, ссылали, жгли, рубили, резали всех, кои отказывались принять никоновские догматы. Боярыню Феодосию Морозову и княгиню Евдокию Урусову после ужасных пыток и истязаний уморили в Боровском подземелье. Соловецкий монастырь, отказавшийся принять новые книги и новые догматы, разгромили и обитателей его истребили мечем, за исключением немногих, согласившихся страха ради принять все предлагаемое мучителями.

Не будем рассказывать о всех этих возмущающих душу фактах. Одно перечисление их и узаконений о них заняло бы несколько страниц. Народ, видя такую свирепость проповедников никоновской веры, побежал кто куда мог. Бежали в непроходимые леса и дебри, бежали за границу: в Польшу, Турцию, Австрию, Пруссию и проч.

20. Но оставим эту печальную картину. Взглянем на старообрядческую Церковь. В ней, когда остальные старообрядческие епископы приняли никоновские догматы на соборах 1666 и 1667 годов, не осталось православных епископов. Но даже по свидетельству наших противников, «в священниках на первый раз недостатка у них (старообрядцев) не было: белого духовенства, уклонившегося в раскол, при самом начале его, было довольно» (Истор. очерк. поповщ. Мельник., стр. 29). «При самом начале церковного раздора, во главе противников Никона стало... самое высшее духовенство московского Кремля... По городам во главе раскола стало также высшее белое духовенство. В числе первых расколуучителей видим протопопов и попов: Никиту — в Суздале, Аввакума — в Юрьевце, Лазаря — в Романове, Даниила — в Костроме, Логгина — в Муроме, Никифора — в Симбирске, Андрея — в Коломне, Серапиона — в Смоленске, Варлаама — в Пскове и проч.» (Там же, стр. 5-6). Многих священников, не хотевших принимать

никоновских догматов, сослали в ссылку и держали на цепях (Там же, стр. 13), а многих сожгли, как, например, протоиерея Аввакума, Лазаря и диакона Феодора. Но немалое число священников с мирянами спаслось от гонений бегством за границу, где они основали селения и монастыри и совершали для христиан требы, богослужения и проч. Эти священники назывались старого поставления, так как получили рукоположение до отпадения их от православия. И пока они были живы, все старообрядцы были между собой в единении: принимали от них все таинства, требы и богослужения. Таким образом, по уклонении епископов в заблуждение, старообрядческую Церковь составляли так называемые ныне поповцы. Затем, когда священники начали со временем вымирать и уменьшаться, а новых рукополагать было некому, старообрядческая Церковь, руководствуясь правилами и практикой древней Церкви, начала принимать священников присоединяющихся от никоновских заблуждений. Принимая вторым чином, то есть под миропомазание, по требованию святособорных правил.

21. Но некоторые из старообрядцев, отчасти по излишней строгости к еретикам, отчасти в ожидании близкой кончины мира, обольщаясь ложным мудрованием о царствовании антихриста, не стали руководствоваться церковными правилами о принятии приходящих от ереси священников в их сане, а начали утверждать, что священники якобы и вовсе не нужны в Церкви. Эти люди отделились от старообрядческой Церкви и составили особую общину, получившую название беспоповщины. Они изобрели и стали содержать самые грубые и нелепые заблуждения, что всех еретиков и раскольников следует перекрещивать, что антихрист уже царствует в лице представителей новообрядческой церкви, что не нужно никаких церковных таинств, что всяк сам себя может крестить, что брак законный есть грех и проч. И они пошли таким гибельным путем.

22. А старообрядческая Церковь шла по-прежнему прямым царским путем, ни уклоняясь ни на право, ни на лево. Руководствуясь всеми правилами святособорными и практикой древней Церкви, она принимала присоединяющихся от ереси священников в их санах.

По пространству она занимала следующие места: на Керженце, в губерниях Нижегородской, Казанской, Московской, в Сибири, на Дону, в Стародубских слободах, в Польше, на Ветке, в Турции и проч.

По многим местам у старообрядцев были церкви, священники и монастыри, особенно там, где они пользовались некоторой свободой. А в Польше, на Ветке и в Стародубье они имели полную свободу в религиозных делах.

23. Имея православных священников довольно число, старообрядцы всегда желали и старались иметь и православных епископов. На первых порах, после собора 1667 года, они конечно были убеждены, что где-нибудь остались единоверные им епископы. Но когда убедились, что нет, тогда они стали употреблять все меры к приобретению православных епископов, следуя учению святых отцов.

Уже в 1715 году старообрядцы на соборе решили приобрести епископа на основании 8-го правила 1-го Вселенского собора (Историч. очерк. поповщ. Мельн., стр. 81) и с тех пор шли непрерывные хлопоты по этому делу, пока не увенчались полным успехом в 1846 году, когда от греческой церкви митрополит Амвросий обратился к старообрядческой Церкви.

Впрочем и до этого времени старообрядцам иногда удавалось осуществить свои старания о приобретении православных епископов. Так в 1734 году они приняли на Ветке епископа Епифания. Но за это они жестоко поплатились. В следующем 1735 году русское правительство, по требованию Синода, отправило огромный отряд войска на Ветку. Начальник отряда полковник Сытин, явившись туда, схватил епископа Епифания и отправил его в Петербург. Ветку с окрестными старообрядческими селениями разрушил, самих жителей разогнал и разослал по разным местам. Это известно в истории под именем первой ветковской выгонки.

Но старообрядцы и после сего не переставали стараться иметь православного епископа. Насколько горячо было это их желание можно видеть из того, что некоторые из них в 1750-х годах приняли даже одного самозванца за действительного епископа. Конечно не зная, что он самозванец. Это был некто Анфиноген, бывший иеромонах или иеродиакон новообрядческой церкви. Но когда открылось, что он самозванец, тогда старообрядцы прогнали его от себя (Истор. очерк. поповц., стр.182).

Затем в 1753 году явился епископ Анфим, рукоположенный в этот сан митрополитом Даниилом (Там же, стр. 216, 246).

Затем у старообрядцев был еще епископ Феодосий, рукоположенный Гедеоном архиепископом Крымским (Там же, стр. 222). А по некоторым сведениям, был еще епископ Рафаил, рукоположенный патриархом Даниилом, но скончавшийся в пути, не достигнув российских пределов (Там же, стр. 272).

24. Должно заметить, что в старообрядческой Церкви священников всегда было потребное количество, так как по разделении русской Церкви все почти священники сочувствовали старообрядчеству.

Даже через сто лет после разделения, когда духовенство, под влиянием разных семинарий, начало охладевать к религиозным делам, старообрядцы с одного Иргиза имели до двухсот священников в разных местах (Раскол, Андреева, стр. 212).

В 1827 году на одном только «Рогожском кладбище было девять дозволенных попов и три диакона» (Там же, стр. 212). Но с этого года старообрядцам было строго воспрещено принимать присоединяющихся к ним священников. И если правительство где находило таковых, то немедленно же отправляло в ссылку без всякого суда. Словом, решено было уничтожить старообрядческих священников.

25. В виду этого старообрядцы, по примеру прежних лет и на основании 69 и 70 правил Карфагенского собора, решились обратиться к православию заблудившихся епископов. И, о, чудный оборот обстоятельств! Когда враги по видимому торжествовали полную победу, когда у старообрядцев осталось три или четыре престарелых священника, тогда за границей в Австрийской империи, в старообрядческом Белокриницком монастыре присоединился к старообрядчеству митрополит греческой церкви Амвросий. Он рукоположил епископа, по имени Кирилла, в селении Майнос, а затем епископа Аркадия в Славу и проч., а также множество священников и диаконов. И вот с тех пор Церковь Христова снова получила и до сего времени имеет в себе православных епископов, которые при Никоне отпали от нее в заблуждение.

Присоединение митрополита Амвросия совершилось в 1846 году. Это событие

было таким сильным ошеломляющим ударом для новообрядцев, что они до сих пор еще не могут опомниться. Да вряд ли и опомнятся когда-нибудь. По их настоянию австрийский император закрыл Белокриницкий монастырь. Обитателей его выгнал, самого митрополита Амвросия сослав в заточение, где он, после шестнадцатилетних мучений, страдальчески кончил свою жизнь. Как бы в наказание за такое беззаконие (ибо он прежде утвердил митрополита Амвросия на сей должности законным указом), вслед за изгнанием этого святителя, в Вене, столице Австрии, вспыхнула революция, и австрийского императора лишили власти.

26. В России новообрядцы продолжали мучить и грабить старообрядцев. Почти все старообрядческие монастыри, церкви, моленные и даже частные дома отнимали в доход новообрядческой церкви, которая приобрела этим путем несколько десятков миллионов рублей, обогатилась. Но чрез несколько лет эти миллионы она принуждена была отдать самым низким и развратным людям из старообрядцев, отступившим к ней. Этих людей она называет каким-то диким именем «миссионеры». Обязанность их состоит в том, чтобы хулить старообрядческую Церковь и ее пастырей, и тем удерживать народ от обращения к ней, а ее чад расстраивать в вере, что им иногда и удается, хотя и крайне редко.

27. Не находя решительно никаких заблуждений в старообрядческой Христовой Церкви, они придираются только к тому, что в ней с 1666 до 1846 года, то есть 180 лет, не было православного епископа, хотя его происшествие и не составляет никакой погрешности с ее стороны и не обвиняет ее. Но миссионеры и этим иногда сбивают с правого пути простой малознающий народ, не могущий различить истину от лжи, православие от еретичества. А ревностных к делам религии они этим только подвигают на изучение святоцерковного учения, на разъяснение истины и на защиту Церкви Христовой.

Все это нас побудило написать это сочинение по вопросу о небытии 180 лет в старообрядческой Христовой Церкви епископов, по случаю уклонения их в ересь. [См. книгу «Церковь Божия временно без епископа».]